

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
15 February 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2976/2017* ** ***

<i>Сообщение представлено:</i>	Гари Мауи Ишервуд (представлен адвокатом Тони Элисом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Новая Зеландия
<i>Дата сообщения:</i>	24 февраля 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 4 мая 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	12 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	продолжение содержания под стражей после отбывания назначенного наказания
<i>Процедурные вопросы:</i>	недостаточная обоснованность; исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	произвольное задержание; условия тюремного заключения; социальная реабилитация; цель тюремного заключения
<i>Статьи Пакта:</i>	2, 9, 10 и пункт 1 статьи 14
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2, 3 и пункт 2 b) статьи 5

1. Автором сообщения является Гари Мауи Ишервуд, гражданин Новой Зеландии 1977 года рождения, наполовину маори по этническому происхождению. Он утверждает, что государство-участник нарушило его права по статьям 2, 9, 10 и пункту 1 статьи 14 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 26 августа 1989 года. Автор представлен адвокатом.

* Приняты Комитетом на 132-й сессии (28 июня — 23 июля 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Карлос Гомес Мартинес, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сангуш Паиш, Чхангрок Со, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери.

*** В приложении к настоящим Соображениям приводятся особые (несогласные) мнения членов Комитета Арифа Балкана и Гентиана Зюбери.

Факты в изложении автора

2.1 18 ноября 1999 года автор был приговорен к восьми годам тюремного заключения за а) половое сношение с несовершеннолетним лицом (в возрасте 12–16 лет); б) проживание за счет доходов от проституции; и с) введение морфина несовершеннолетнему лицу. 1 июля 2003 года он был условно-досрочно освобожден. 15 июля 2003 года он совершил еще пять преступлений: а) преступление на сексуальной почве, выразившееся в изнасиловании женщины старше 16 лет (по трем пунктам); б) преступление на сексуальной почве, выразившееся в противозаконной половой связи с несовершеннолетним лицом старше 16 лет (по четырем пунктам); с) похищение людей (по одному пункту); и d) и e) два преступления, связанные с наркотиками (по двум пунктам). 21 мая 2004 года он был приговорен к превентивному заключению с минимальным сроком лишения свободы на десять лет по каждому пункту обвинения в соответствии со статьей 87 Закона о назначении и исполнении наказаний 2002 года¹. Кроме того, ему было запрещено ходатайствовать об условно-досрочном освобождении в течение минимум десять лет.

2.2 В 2004 году автор решил обжаловать признание его виновным, но не вынесенные приговоры. 14 марта 2005 года Апелляционный суд Новой Зеландии отклонил его апелляционную жалобу. Впоследствии автор решил обжаловать в Апелляционном суде свой приговор. 3 августа 2010 года Апелляционный суд отменил приговор, касающийся двух связанных с наркотиками преступлений, поскольку они не являются преступлениями, за совершение которых Высокий суд уполномочен принимать решения о превентивном задержании в соответствии с Законом о вынесении приговоров 2002 года, и заменил приговоры по установленным судом срокам тюремного заключения на четыре года за оба преступления. Апелляционный суд оставил в силе приговор о превентивном заключении за преступления автора, связанные с насилием сексуального характера и похищением людей². 21 сентября 2010 года Верховный суд отклонил ходатайство автора о подаче апелляционной жалобы на решение Апелляционного суда³. 7 июля 2011 года он обратился к генерал-губернатору с просьбой о применении королевской прерогативы помилования⁴, которая 17 сентября 2014 года была отклонена. 21 апреля 2014 года автор получил

В государстве-участнике превентивное заключение определяется следующим образом: «Тюремное заключение на неопределенный срок: заключенные могут быть условно-досрочно освобождены, при этом они остаются в ведении Департамента исправительных учреждений до конца жизни и могут быть возвращены в тюрьму в любое время». См. официальный сайт Департамента исправительных учреждений Новой Зеландии: URL: https://www.corrections.govt.nz/working_with_offenders/courts_and_pre-sentencing/types_of_sentences (дата обращения: 24 июня 2021 года).

- ² Автор ходатайствовал о продлении срока, отведенного для обжалования приговора, и о разрешении представить дополнительные доказательства. Если бы просьба о продлении срока была удовлетворена, тогда адвокат автора утверждал бы, что приговор о превентивном заключении является явно чрезмерным, нормативные требования, касающиеся вынесения приговора о таком заключении, не соблюдены, а превентивное заключение включает произвольное содержание под стражей в нарушение статьи 9 Пакта. Суд пришел к выводу, что адвокат по причине своей некомпетентности не смог предоставить никаких аргументированных доводов, что новый адвокат не смог объяснить, почему произошла задержка или почему новые доказательства будут приобщены к делу автора, а также что трудно оценить, почему превентивное заключение идет вразрез с правами, закрепленными в статье 9 Пакта и Законе о Билле о правах 1990 года.
- ³ Адвокат автора пытался в целом обжаловать превентивный режим государства-участника на том основании, что оно предполагает произвольное содержание под стражей в нарушение статьи 9 Пакта.
- ⁴ Адвокат автора ходатайствовал о представлении новых доказательств и утверждал, что в ходе судебного процесса бывшим адвокатом автора свидетели вызваны не были, а также что этот же адвокат также не смог надлежащим образом провести перекрестный допрос автора и допустил ошибки при подаче апелляции на вынесенный приговор. В отношении королевской прерогативы помилования был сделан вывод о том, что новые доказательства в значительной своей части являются либо неактуальными, либо недопустимыми, что адвокат надлежащим образом провел перекрестный допрос истца и что в апелляции автора не обнаружено никаких ошибок.

право на условно-досрочное освобождение. После слушания, состоявшегося 30 апреля 2014 года, Совет по вопросам условно-досрочного освобождения не удовлетворил его запрос⁵.

2.3 В январе 2015 года автор подал жалобу в Рабочую группу по произвольным задержаниям на основаниях, аналогичным настоящему сообщению. Рабочая группа пришла к выводу, что нарушение его прав допущено не было⁶.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он подвергся произвольному задержанию, поскольку на момент подачи настоящего сообщения он уже отбыл назначенное наказание и содержался под стражей без веских причин. Кроме того, ему не предоставили возможности для реабилитации и реинтеграции, не провели с помощью независимого органа оценку его дальнейшего задержания, при этом произвольно содержали под стражей в условиях, аналогичных тем, которые предусмотрены для лиц, отбывающих назначенное наказание. Автор утверждает также, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты, поскольку обратился в Верховный суд и ходатайствовал о королевской прерогативе помилования, и что в государстве-участнике никаких средств правовой защиты, предусмотренных Пактом, ему доступно не было.

3.2 Автор утверждает, что в Новой Зеландии нет эффективных средств правовой защиты, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 2 Пакта, в случае его нарушений, поскольку Пакт не инкорпорирован во внутреннее законодательство, а Закон Новой Зеландии о Билле о правах 1990 года представляет собой лишь слабую попытку ввести этот Пакт в действие. Поэтому суды полагаются на судебную практику Верховного суда, а не на положения Пакта⁷. Он ссылается на заключительные замечания Комитета по правам человека, касающиеся Новой Зеландии⁸, и замечание общего порядка № 31 (2004) Комитета, в котором говорится, что непроведение государством-участником расследования может повлечь отдельное нарушение Пакта (пункт 15). Адвокат автора также утверждает, что в других внутренних делах он сам подвергался критике⁹ и угрозам санкций¹⁰ со стороны судов Новой Зеландии за выдвижение доводов с опорой на Пакт.

3.3 Автор утверждает, что ни высшие суды, ни тем более Совет по вопросам условно-досрочного освобождения не принимают во внимание международные договорные обязательства, касающиеся превентивного содержания под стражей. Он утверждает также, что в государстве-участнике по-прежнему возникает много препятствий для поднятия вопросов Пакта¹¹, таких как слишком большая доля представителей народа маори, которым приходится сталкиваться с системой уголовного правосудия, несмотря на то, что эта проблема была обозначена, в частности, в докладах Комитета по правам человека¹² и Комитета против пыток¹³ и в ответах на перечень тем и вопросов Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹⁴.

3.4 Автор утверждает, что Новая Зеландия нарушила пункт 4 статьи 9 и пункт 1 статьи 14 Пакта, поскольку Совет по вопросам условно-досрочного освобождения, который не является независимым и беспристрастным органом, отказал ему в условно-

⁵ Совет отметил, что, согласно оценке, риск совершения автором связанных с насилием преступлений на сексуальной почве или других серьезных насильственных преступлений в течение двух лет после возвращения в общество весьма высок.

⁶ См. [A/HRC/WGAD/2016/32](#).

⁷ Автор ссылается на [CCPR/CO/75/NZL](#), п. 8.

⁸ [CCPR/CO/75/NZL](#), п. 8.

⁹ *Exley v. The Queen*, CA279/06 [2007] NZCA 393, para. 21.

¹⁰ *Charta v. The Queen* [2008] NZCA 466 (10 December 2008), paras. 38–39.

¹¹ Автор ссылается на замечания, сделанные судьями по внутренним делам, в которых адвокат осуществлял защиту. Выдержки из тех дел автор не приводит.

¹² [CCPR/C/NZL/CO/6](#), п. 26.

¹³ [CAT/C/NZL/Q/6](#).

¹⁴ [CEDAW/C/NZL/Q/7/Add.1](#), с. 21.

досрочном освобождении и при этом не представил никаких веских причин, оправдывающих такой отказ. Он утверждает также, что Совет должен быть независимым и беспристрастным, подобно суду, ссылаясь на замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета по правам человека и решение Комитета по делу *Рамека и другие против Новой Зеландии*¹⁵. Таким образом, автор был задержан произвольно, поскольку не существует независимого суда, уполномоченного принимать решения о его освобождении из-под стражи¹⁶. Он утверждает также, что независимость подразумевает, по крайней мере, три признака: финансовая безопасность, гарантия сохранения должности его членов и административная самостоятельность, и что Совет не располагает ни одним из них¹⁷. Кроме того, автор указывает, что Совет проводит слушания за закрытыми дверями, поскольку они проходят в тюрьме. Представителей средств массовой информации пускают на них лишь в отдельных случаях.

3.5 В деле *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии* адвокат автора поднял в национальных судах вопрос о том, что Совет по вопросам условно-досрочного освобождения должен быть независимым и беспристрастным, подобно суду, и утверждал, что национальные суды не приняли должным образом во внимание предусмотренное Пактом обязательство государства-участника обеспечить независимость Совета. Автор утверждает, что его адвокат не отстаивал ту же точку зрения в данном деле, поскольку это было бы квалифицировано как «политический трактат».

3.6 Автор утверждает, что в нарушение пункта 1 статьи 9 и пункта 3 статьи 10 Пакта государство-участник не предоставило ему достаточных возможностей по реабилитации до завершения срока его тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение, что его содержание под стражей продолжалось и после этого срока и что условия его превентивного содержания под стражей были аналогичны тем, когда он отбывал назначенное наказание. Он утверждает также, что продолжение его содержания под стражей после окончания срока без права на условно-досрочное освобождение не подкреплялось какими-то либо новыми доказательствами или новым приговором и, следовательно, является произвольным.

3.7 Автор утверждает, что ввиду того факта, что ему не было предоставлено никакой психологической помощи или реабилитации как лицу, совершившему преступление на сексуальной почве, имеющему проблемы с наркотиками и алкоголем¹⁸, государство-участник как в тот момент, так и сейчас не смогло доказать, что его реабилитацию можно было обеспечить менее радикальными методами, нежели продолжение содержания под стражей¹⁹. И хотя автору должны были предоставить лечение еще в начале отбывания наказания²⁰, такое лечение было проведено в

¹⁵ Дело *Рамека и др. против Новой Зеландии* (CCPR/C/79/D/1090/2002).

¹⁶ Автор ссылается на документы национального суда по делу *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии* (CCPR/C/121/D/2502/2014), которое также было представлено Комитету тем же адвокатом, но на момент представления настоящего сообщения принято не было.

¹⁷ *Mackin v. New Brunswick (Minister of Finance)* [2002] SCC 13, majority judgment of Judges L'Heureux-Dubé, Gonthier, Iacobucci, Major and Arbour, paras. 34 and 40.

¹⁸ Перед задержанием на автора напали и нанесли ему около 17 ножевых ранений. Впоследствии ему прописали трамадол, который он принимал в течение десяти лет, в основном во время тюремного заключения. За это время ему выписывали различные обезболивающие препараты, но незадолго до его слушания в Совете по вопросам условно-досрочного освобождения было решено прекратить их прием. В январе 2013 года он начал посещать программу наркологического отделения, но в апреле 2013 года был исключен из нее за употребление бензодиазепинов. В начале 2014 года он снова начал посещать программу, но покинул ее в соответствии со своим «планом безопасности». Автор страдает от чувства тревоги, вызванной ножевыми ранениями и усугубляемой тюремной средой. Согласно психологическим заключениям, его наркозависимость, вероятно, началась в то время, когда некоторые из его родственников начали давать ему в детстве валиум, чтобы облегчить страдания во время надругательств, а также, вероятно, чтобы сделать его более послушным, когда он подвергался сексуальному насилию со стороны тех же членов семьи.

¹⁹ См. дело *Фардон против Австралии* (CCPR/C/98/D/1629/2007), п. 7.4.

²⁰ Там же.

специальном лечебном отделении только после первого слушания Совета по вопросам условно-досрочного освобождения, который не дал разрешение на его освобождение из-за отсутствия оснований полагать, что он не представляет чрезмерной опасности для общества. Кроме того, в течение первых десяти лет тюремного заключения автор не получал никакого консультирования, направленного на преодоление негативного воздействия длительного тюремного заключения. В настоящее время в тюрьмах государства-участника нет специализированной программы лечения для устранения потенциально вредных последствий длительного тюремного заключения.

3.8 Автор утверждает, что Совет по вопросам условно-досрочного освобождения не проанализировал законность дальнейшего его содержания под стражей и опирался исключительно на выводы одного психолога о том, что его условно-досрочное освобождение сопровождается слишком высоким риском. Он утверждает также, что ни психолог, ни Совет не провели оценку того, насколько «высок риск совершения им связанных с насилием преступлений на сексуальной почве»²¹. Прибегнув к расплывчатой оценке риска или подозрению, что автор может совершить новое преступление, Совет продемонстрировал отсутствие подлинного намерения освобождать тех, кто содержится в превентивном заключении. Автор утверждает далее, что проведенная Советом оценка риска не соответствует международным стандартам.

3.9 Автор утверждает, что лица, которые содержатся в превентивном заключении, должны проходить лечение с самого начала отбывания наказания и помещаться не в обычную тюрьму, а в лечебные учреждения для повышения шансов на реабилитацию. Он утверждает также, что по истечении срока его тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение единственной целью его содержания под стражей была защита общества. Соответственно, автор не должен был содержаться в тех же условиях, что и лица, которые все еще отбывают назначенное наказание²².

3.10 Автор утверждает, что система превентивного заключения, существующая в государстве-участнике, и политика по реабилитации правонарушителей, приговоренных к такому заключению, привели, казалось бы, к бесконечному произвольному содержанию под стражей всех таких правонарушителей. Он был втянут в непрерывный круг нарушений его прав, предусмотренных пунктом 3 статьи 10 и пунктом 1 статьи 9 Пакта, который трудно себе представить.

3.11 Кроме того, автор также заявляет о нарушении его прав по пункту 1 статьи 14 Пакта, поскольку его первый адвокат не смог обеспечить ему эффективную защиту на протяжении всего судебного разбирательства. Автор утверждает, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 14 было нарушено в ходе судебного процесса, поскольку он не имел возможности себя защитить, пожаловавшись на неправомерные действия лица, подавшего на него в суд за сексуальное насилие, без выдвижения в качестве доказательств его предыдущих судимостей. Он утверждает также, что ни в обычном суде, ни в апелляционном суде первой инстанции не были соблюдены гарантии справедливого судебного разбирательства, поскольку его адвокат не обеспечил его эффективную защиту (не вызывая свидетелей без крайней необходимости и делегируя свои задачи по установлению контактов со свидетелями своему заместителю). Верховный суд отклонил эти ходатайства.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 14 мая 2019 года государство-участник представило свои замечания по приемлемости и существу и заявило, что жалобу следует отклонить по причине отсутствия нарушения статей 2, 9, 10 и/или 14 Пакта. Государство-участник не оспорило приемлемость сообщения.

²¹ Автор ссылается на дело *Фардон против Австралии* и дело *Тиллман против Австралии* (CCPR/C/98/D/1635/2007).

²² Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 35 (2014), п. 21.

4.2 Государство-участник вновь излагает фактическое содержание жалобы. Государство-участник отмечает, что минимальный срок заключения автора без права на условно-досрочное освобождение закончился в апреле 2014 года. В январе 2013 года автор начал посещать программу наркологического отделения. В апреле 2013 года автор был исключен из программы, поскольку тест на наркотики показал, что он принимал запрещенный препарат. Во второй раз его зачислили для участия в этой программе в феврале 2014 года. Руководство сообщило, что он совершает действия, наносящие ему самому вред. Автор признал, что его поведение и состояние здоровья мешают ему участвовать в программе, и в марте 2014 года он решил прекратить свое участие в ней.

4.3 30 апреля 2014 года состоялось первое заседание Совета по вопросам условно-досрочного освобождения, на котором автору было в нем отказано²³. Совет отметил, что: а) риск совершения автором связанных с насилием преступлений на сексуальной почве по-прежнему весьма высок; б) автор согласился с тем, что ему необходимо проделать значительную работу, чтобы устранить причины его правонарушений, связанных с чрезмерным употреблением наркотиков; и с) автор хотел бы вернуться в программу лечения от наркозависимости, на что Совет ответил, что это решение будет зависеть от администрации пенитенциарного учреждения. В сентябре 2014 года многодисциплинарная группа в составе восьми сотрудников пенитенциарных учреждений постановила, что в интересах автора и других заключенных будет лучше, если он в ноябре не будет посещать программу лечения от наркозависимости. В октябре 2014 года автор прошел программу, состоящую из четырех курсов по лечению алкоголизма и других форм наркозависимости.

4.4 21 апреля 2015 года Совет по вопросам условно-досрочного освобождения провел второе слушание с опорой на доклад об оценке возможности условно-досрочного освобождения и обновленную психологическую оценку. Совет отметил, что риск совершения автором повторных преступлений на сексуальной почве по-прежнему весьма высок, и отказал ему в условно-досрочном освобождении.

4.5 30 июня 2016 года Совет по вопросам условно-досрочного освобождения провел еще одно слушание и пришел к выводу, что без завершения курса психологического лечения, демонстрации устойчивых изменений и согласия провести время в блоке самообслуживания нестрогого режима, прежде чем пройти оценку для участия в программе лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве, автор по-прежнему будет представлять чрезмерную угрозу²⁴. Совет также отметил, что автор не проявлял сильного желания получить условно-досрочное освобождение и что в соответствии с двухгодичным циклом пересмотра, установленным в статье 21 (пункт 2) Закона об условно-досрочном освобождении 2002 года, следующее слушание состоится 5 марта 2018 года. 26 августа 2016 года автор обратился в Совет с ходатайством о пересмотре его решение от 30 июня 2016 года и утверждал, что он был произвольно задержан после получения права на условно-досрочное освобождение, поскольку он не содержался в некарательных условиях и ему было отказано в своевременном лечении; таким образом, оценка риска, который он представляет, была недостаточной для оправдания его задержания. 16 сентября 2016 года Совет пришел к выводу об отсутствии правовой ошибки и отметил, что законодательство Новой Зеландии не проводит различий между

²³ При принятии решения Совет руководствовался докладом Департамента исправительных учреждений за 2014 год, в котором в основном говорилось, что автору были предъявлены 26 доказанных обвинений в ненадлежащем поведении; что его реабилитация должна преимущественно осуществляться в условиях лишения свободы; что он начал, но дважды не завершил программу лечения в наркологическом отделении; что ему следует пройти менее интенсивную программу, чтобы вновь обрести уверенность в том, что он может функционировать в группе; что он обжалует свой приговор, что может помешать ему проходить лечение и, по-видимому, прямо противоречит выраженному им желанию пройти программу для взрослых, совершивших преступление на сексуальной почве; и что он работал на центральной кухне и занимал другие должности в подразделении.

²⁴ Слушание в Совете должно было состояться 31 марта 2016 года, но адвокат не мог тогда присутствовать.

карательными и некарательными условиями превентивного заключения, а определяет условия содержания под стражей исходя из классификации осужденных с точки зрения безопасности. Кроме того, Совет отметил, что автор в настоящее время участвует в программах по своему освобождению и что не Совет, а суды государства-участника должны установить, было ли лицо, содержащееся под стражей, задержано произвольно.

4.6 17 августа 2017 года автор был успешно переведен в блок нестрогого режима в тюрьме Крайстчерча. 24 октября 2017 года автора перевели в наркологическое отделение, чтобы он мог принять участие в программе, которая должна была начаться в конце ноября 2017 года. После завершения этой программы он будет перенаправлен для участия в программе лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве²⁵.

4.7 Что касается утверждения автора о нарушении статьи 2 Пакта, то государство-участник, во-первых, отвергает утверждения о том, что адвокату автора угрожали санкциями и подвергали критике со стороны судов за выдвижение доводов с опорой на Пакт. Государство-участник заявляет, что эти утверждения основаны на выдержках из судебных решений, без контекста и с недостаточной обоснованностью. Во-вторых, что касается включения Пакта во внутреннее законодательство, то государство-участник утверждает, что Новая Зеландия включила Пакт в свое законодательство посредством ряда мер, таких как Закон о Билле о правах, Закон об условно-досрочном освобождении 2002 года, Закон об исправительных учреждениях 2004 года и другие административные меры. В-третьих, что касается наличия эффективных средств правовой защиты, то государство-участник заявляет, что наряду с судебными механизмами, такими как апелляция и судебный пересмотр, в государстве-участнике действуют и другие административные механизмы, которые могут расследовать утверждения о нарушениях, такие как омбудсмен и ряд других независимых органов. Конкретная ситуация автора в связи с утверждениями о нарушениях Пакта в отношении доступа к средствам правовой защиты раскрывается в следующих пунктах.

4.8 Что касается предполагаемого нарушения пункта 4 статьи 9 и пункта 1 статьи 14 Пакта на том основании, что Совет по вопросам условно-досрочного освобождения не является независимым и беспристрастным судом и что поэтому автор был произвольно задержан, то государство-участник утверждает, что эти утверждения должны быть отклонены. Государство-участник отмечает, что автор ссылается на дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии* и указывает, что с момента подачи этого сообщения вступил в силу Закон об условно-досрочном освобождении 2002 года, заменивший Закон об уголовном правосудии 1985 года, и что, следовательно, с тех пор произошли изменения в режиме, регулирующем систему условно-досрочного освобождения.

4.9 Государство-участник поясняет, что Совет по вопросам условно-досрочного освобождения является независимым органом, учрежденным в соответствии с Законом об условно-досрочном освобождении 2002 года, который призван рассматривать «правонарушителей на предмет условно-досрочного освобождения и, в случае необходимости, направлять их на условно-досрочное освобождение», а затем определять условия их освобождения и осуществлять надзор за их соблюдением²⁶. При проведении такой оценки Совет должен обеспечить баланс между безопасностью общества и содержанием правонарушителя под стражей, основываясь на всей имеющейся информации²⁷.

4.10 Государство-участник утверждает, что пункт 1 статьи 14 Пакта не применим к Совету по вопросам условно-досрочного освобождения, поскольку он не участвует в рассмотрении уголовных обвинений по делу автора. В Новой Зеландии этим

²⁵ Согласно решению Совета по вопросам условно-досрочного освобождения от 2019 года, предоставленному автором, к 2018 году он завершил программу для лиц, представляющих собой высокий риск, и программу лечения от наркозависимости, а также в мае 2019 года закончил программу лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве.

²⁶ Parole Act 2002, sects. 108 and 109.

²⁷ Ibid., sect. 7.

занимаются суды. Целью явки автора в Совет не было определение его «прав и обязанностей в гражданском процессе»²⁸. Будучи лицом, отбывающим наказание в виде превентивного заключения, автор не имеет права на условно-досрочное освобождение, которое может обеспечить Совет. Однако автор может оспорить решения по его ходатайству об условно-досрочном освобождении в Высоком суде. Государство-участник ссылается на пункты 16 и 17 замечания общего порядка № 31 (2004) Комитета и утверждает, что аналогичным образом разбирательство по условно-досрочному освобождению не предполагает определения «каких-либо прав соответствующему лицу», как постановил Комитет по вопросу дисциплинарных разбирательств в тюрьме в отношении заключенных. Тем не менее если бы гражданский аспект права был применим к процедуре условно-досрочного освобождения, то в деле *И. Л. против Канады* Комитет отметил необходимость изучения процедур на глобальном уровне, в частности наличие права добиваться пересмотра административных решений в судебном порядке²⁹. Если в конечном итоге судебный пересмотр будет возможен, то использование этого средства правовой защиты будет отвечать требованию о доступе к компетентному, независимому и беспристрастному суду для установления судебного процесса. В любом случае право добиваться судебного пересмотра решения Совета в соответствии с законодательством Новой Зеландии отвечает критериям, изложенным в пункте 1 статьи 14.

4.11 Государство-участник утверждает, что Совет по вопросам условно-досрочного освобождения является достаточно независимым, беспристрастным и адекватным в вопросах процедуры, чтобы представлять собой суд по смыслу пункта 4 статьи 9, несмотря на то, что он не имеет всех атрибутов суда³⁰, а также что Комиссия приняла это³¹. Ни исполнительная власть, ни любые другие лица или органы, не входящие в Совет, не могут давать указаний относительно решений об условно-досрочном освобождении или влиять на них. Кроме того, процедуры оценки при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении соответствуют пункту 4 статьи 9, поскольку решения Совета по вопросам условно-досрочного освобождения подлежат судебному пересмотру без каких-либо ограничений (соответствующее ходатайство не требуется). Содержание автора под стражей подвергается регулярному периодическому пересмотру со стороны независимого органа в соответствии с замечанием общего порядка № 35 (2014) Комитета, и он не подвергается произвольному задержанию. Кроме того, Рабочая группа по произвольным задержаниям определила, что Совет Новой Зеландии по вопросам условно-досрочного освобождения является достаточно независимым³².

4.12 Что касается непредоставления автору реабилитационных услуг, то государство-участник утверждает, что в соответствии с законодательством Новой Зеландии сроки по приговорам не подразделяются на «карательные» и «некарательные». Все приговоры исполняются в соответствии с целями Закона об исправительных учреждениях 2004 года, а правонарушители, приговоренные к превентивному заключению, классифицируются с точки зрения их безопасности. Правонарушителям предоставляются возможности для реабилитации и реинтеграции, которым уделяется все больше внимания по мере приближения даты освобождения правонарушителя. Государство-участник утверждает, как объясняется в пунктах 4.2–4.6 выше, что автор получил целый ряд возможностей и услуг для своей

²⁸ Государство-участник ссылается, например, на European Court of Human Rights, *Ganusauskas v. Lithuania*, Application No. 47922/99, и *Brown v. United Kingdom*, Application No. 968/04; и European Commission of Human Rights, *Aldrian v. Austria* (1990) 65 DR 33, 342.

²⁹ Human Rights Committee, *Y.L. v. Canada*, communication No. 112/1981.

³⁰ Государство-участник ссылается на историю разработки статьи 9 (п. 4) в Manfred Novak, *U. N. Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary, 2nd ed.* (Kehl am Rhein, Germany, N. P. Engel, 2005), pp. 235 and 237; дело *А. против Австралии* (CCPR/C/59/D/560/1993), п. 9.3; дело *Воуланне против Финляндии* (CCPR/C/35/D/265/1987), п. 9.5. и дело *Бандажевский против Беларуси* (CCPR/C/86/D/1100/2002), пп. 10.3–10.4..

³¹ Дело *Рамека и др. против Новой Зеландии*, п. 7.4; и дело *Мануэль против Новой Зеландии* (CCPR/C/91/D/1385/2005), п. 7.3.

³² Мнение № 32/2016, пп. 60–62.

реабилитации³³. Государство-участник отрицает утверждения о том, что в отношении автора не была проведена оценка и что он не был включен в специализированную программу лечения. В самом сообщении автор ссылается на психологическое заключение, составленное с целью его оценки. Государство-участник утверждает, что автору были представлены значительные возможности для снижения такого риска, но в силу его собственного поведения и принятых им решений прогресс был задержан³⁴. Это заявление было подтверждено выводами Рабочей группы по произвольным задержаниям. Когда Рабочая группа выносила свое заключение, она также отметила, что реабилитацию автора можно обеспечить только с помощью превентивного содержания под стражей³⁵.

4.13 Что касается утверждений о том, что Совет по вопросам условно-досрочного освобождения при оценке риска опирался исключительно на заключение психолога, то государство-участник заявляет, что оценка Совета была получена в результате надежного процесса, отражающего передовую международную практику, с тем чтобы установить, по-прежнему ли правонарушитель представляет чрезмерную угрозу для общества. Автор не обжаловал оценку рисков в отношении его дела до последнего слушания Совете в 2016 году (см. пункт 4.5 выше). Рабочая группа по произвольным задержаниям также установила наличие достаточных гарантий, касающихся используемых Советом инструментов оценки рисков, чтобы гарантировать, что права автора не нарушаются.

4.14 Что касается утверждений о том, что продолжение содержания автора под стражей после истечения срока его тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение не подкреплялось никакими-то либо новыми доказательствами или новым приговором, на основании которого он мог быть задержан, то государство-участник отвечает, что нет необходимости в каком-либо приговоре, поскольку наказание в виде предварительного заключения было вынесено автору на законных основаниях после признания его виновным. Автор обжаловал свой приговор, но безуспешно. Государство-участник ссылается на заключение Рабочей группы по произвольным задержаниям, в котором говорится, что автор продолжает отбывать наказание, назначенное в момент его осуждения в 2004 году, включая превентивную часть³⁶.

4.15 Государство-участник ссылается на дело *Рамека и другие против Новой Зеландии* и напоминает, что Комитет усмотрел нарушение пункта 4 статьи 9 Пакта, поскольку срок условно-досрочного освобождения превысил ранее установленный положенный срок содержания под стражей³⁷. Однако стоит отметить, что Комитет пришел к выводу, что система превентивного задержания Новой Зеландии не является произвольной и не нарушает стандарты гуманного обращения, изложенные в статье 10 Пакта³⁸.

4.16 Рабочая группа по произвольным задержаниям пришла к выводу, что имелись веские основания, «связанные с тяжестью совершенных преступлений и вероятностью совершения лицом, содержащимся под стражей, подобных преступлений в будущем», чтобы оправдать продолжение превентивного содержания автора под стражей³⁹. Рабочая группа проанализировала решение Высокого суда о назначении предварительного заключения и решения, принятые Советом по вопросам условно-досрочного освобождения в 2014 и 2015 годах, об отказе автору в условно-досрочном освобождении и установила, что они были обоснованными⁴⁰. Рабочая группа также установила, что несмотря на то, что материальные условия автора, по-видимому, не

³³ Автор работал в тюрьме, получал помощь со стороны священника и психологическую поддержку, а также прошел две реабилитационные программы.

³⁴ Государство-участник ссылается на дело *Дин против Новой Зеландии* (CCPR/C/D/1512/2006), п. 7.5.

³⁵ Мнение № 32/2016, п. 51.

³⁶ Мнение № 32/2016, п. 63.

³⁷ Дело *Рамека и др. против Новой Зеландии*, п. 7.4; и дело *Мануэль против Новой Зеландии*.

³⁸ Дело *Дин против Новой Зеландии*, п. 7.4.

³⁹ Мнение № 32/2016, п. 45.

⁴⁰ Там же, п. 51.

отличались от условий содержания заключенных, которые отбывают приговоры по назначенным срокам заключения, условия его превентивного заключения в достаточной мере отличались от тюремного заключения по отбыванию наказания, поскольку ему предоставлялись возможности для доступа к получению психологической и иной помощи, направленной на его реабилитацию и освобождение⁴¹.

4.17 Что касается довода о том, что судебное разбирательство и апелляции автора представляли собой явную несправедливость и что в ходе судебного разбирательства, апелляций и ходатайства о предоставлении королевской прерогативы помилования было допущено несколько ошибок, то государство-участник заявляет, что утверждения автора не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта. Государство-участник утверждает, что проведенная генерал-губернатором оценка поданного автором ходатайства о предоставлении ему королевской прерогативы помилования не предполагает проведения справедливого судебного разбирательства в соответствии с пунктом 1 статьи 14, поскольку это не гражданский процесс и он не участвует в «установлении уголовного обвинения». Государство-участник также утверждает, что автор обжаловал признание его виновным в Апелляционном и Верховном судах, а также вынесенные в этих судах приговоры. Кроме того, его дело было рассмотрено генерал-губернатором в рамках его ходатайства о королевской прерогативе помилования. Государство-участник напоминает, что Комитет обычно отклоняет обобщенные жалобы на несправедливые судебные разбирательства по пункту 1 статьи 14⁴².

4.18 Что касается утверждений о том, что права автора по пункту 1 статьи 14 были нарушены, поскольку он не мог пожаловаться на характер лица, подавшего на него в суд за сексуальное насилие, без использования в качестве доказательства его предыдущих судимостей, то государство-участник ссылается на доклад Министерства юстиции и напоминает, что негативное представление характера истца не позволило бы «обвинению применять менее строгие критерии в отношении доказательств аналогичных фактов или склонности, как могло бы быть в других случаях».

Комментарии автора сообщения относительно замечаний государства-участника

5.1 31 декабря 2019 года автор представил свои комментарии относительно замечаний государства-участника.

5.2 Автор заявляет, что во внутреннем законодательстве государства-участника Пакт не действует в полной мере как минимум последние 30 лет и что ни одним из судов Новой Зеландии ему не было предоставлено никаких средств правовой защиты, предусмотренных Пактом⁴³. Автор ссылается на представленный для Комитета четвертый периодический доклад Новой Зеландии и другие периодические доклады в поддержку своего довода⁴⁴.

5.3 Автор указывает на заключительные комментарии или замечания Комитета по ряду стран в отношении статьи 2⁴⁵. Он отмечает, что в деле *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии* Комитет пришел к выводу, что нельзя выстраивать аргументацию, ссылаясь на одну только статью 2⁴⁶, но подчеркивает выводы по делу *Тиидика против Демократической Республики Конго*⁴⁷ и утверждает, что в данном случае имели место другие нарушения Пакта по статьям 9, 10 и 14, которые связаны со статьей 2, и поэтому

⁴¹ Там же, п. 57.

⁴² Human Rights Committee, *J.K. v. Canada*, communication No. 174/1984, para. 7.2; *R. M. v. Finland*, communication No. 301/1988, para. 6.4; и *Van Meurs v. Netherlands*, communication No. 215/1986, para. 7.1.

⁴³ Автор цитирует Andrew and Petra Butler, *The New Zealand Bill of Rights Act: a Commentary*, 2nd ed. (Wellington, LexisNexis, 2015), paras. 4.5.2, 4.5.12 and 4.5.14.

⁴⁴ [CCPR/C/NZL/2001/4](#), п. 10.

⁴⁵ Автор среди прочего цитирует A55/40 (том I), пп. 422-451 и 498-528; и [CCPR/CO/80/DEU](#).

⁴⁶ Дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*, п. 7.3.

⁴⁷ [CCPR/C/115/D/2214/2012](#), п. 5.5.

подпадают под исключение. Автор также сожалеет о том, что Соображения по четырем нарушениям, выявленным Комитетом в отношении государства-участника, до сих пор не были выполнены в полном объеме⁴⁸. В совокупности с настоящим сообщением этих ответов будет достаточно для обоснования его утверждения о том, что статьи неразрывно связаны между собой по смыслу дела *Тшидика против Демократической Республики Конго* в нарушение статьи 2. Соответственно автор ссылается на нарушение пунктов 2 и 3 статьи 2 на том основании, что в Новой Зеландии нет средств правовой защиты, предусмотренных Пактом, что это представляет собой продолжающееся нарушение и что тот факт, что Апелляционный суд опирается на практику Верховного суда, а не рассматривает вопросы, поднятые Комитетом в связи с нарушениями Пакта, означает, что эти вопросы должны рассматриваться Комитетом, а не судами Новой Зеландии.

5.4 Автор повторяет свое утверждение о том, что Совету по вопросам условно-досрочного освобождения не хватает независимости, и ссылается на дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*, в котором Комитет пришел к выводу, что государство-участник не смогло доказать, что авторам было доступно рассмотрение в судебном порядке вопроса о законности их содержания под стражей в целях обжалования их дальнейшего содержания под стражей в соответствии с пунктом 4 статьи 9 Пакта⁴⁹. Что касается довода государства-участника о том, что пункт 1 статьи 14 не применим к Совету по вопросам условно-досрочного освобождения, то автор утверждает, что он был заключен в тюрьму по приговору уголовного суда и в рамках уголовного судопроизводства, и оставшаяся часть его наказания неразрывно связана с этим уголовным приговором, что отражено в Законе Новой Зеландии о вынесении приговоров. Ввиду того факта, что слушания Совета по вопросам условно-досрочного освобождения проходят раз в два года, Совет фактически определяет, останется ли данное лицо под стражей еще на два года, что лежит в основе уголовного права⁵⁰.

5.5 Автор утверждает, что в августе 2019 года Совет по вопросам условно-досрочного освобождения пришел к выводу, что наступил момент для его перехода к этапу реинтеграции в тюрьме и что в начале августа 2020 года будет проведена новая оценка⁵¹. Автор утверждает, что ему не было предоставлено объяснений, почему он был охарактеризован как лицо, представляющее чрезмерную угрозу, и что на принятие такого решения ушло слишком много времени, поскольку он провел в тюрьме 20 лет. Автор утверждает, что, поскольку Совет в своем решении указал, что он будет содержаться под стражей еще 12 месяцев, то в этом случае применяется пункт 1 статьи 14, который оказывается нарушенным, с учетом мнения Комитета по делу *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*.

5.6 Автор утверждает, что условия его содержания и обращение с ним, хотя и в течение более короткого периода времени, очень похожи на те, что у авторов по делу

⁴⁸ Автор указывает, что все соответствующие сообщения были представлены его действующим адвокатом, и ссылается на дело *Рамека и др. против Новой Зеландии*; и дело *Дин против Новой Зеландии*; дело *Е.Б. против Новой Зеландии* (CCPR/C/89/D/1368/2005/Rev.1); и дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*.

⁴⁹ Дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*, пп. 8.14-8.16.

⁵⁰ Согласно статье 21 (п. 2) Закона об условно-досрочном освобождении 2002 года Совет должен рассматривать вопрос об условно-досрочном освобождении каждого правонарушителя, содержащегося в тюрьме, не реже одного раза в два года после последнего слушания правонарушителя по условно-досрочному освобождению, если только: а) правонарушителю не назначена новая дата получения права на условно-досрочное освобождение более чем через 12 месяцев после последнего слушания по условно-досрочному освобождению (в этом случае применяется п. 1); или б) на правонарушителя не распространяется решение об отсрочке рассмотрения ходатайства.

⁵¹ В своем решении Совет указал, что к марту 2018 года автор завершил программу для лиц, представляющих собой высокий риск, и программу лечения от наркозависимости. В мае 2019 года он завершил программу лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве, где работал наставником. Он был охарактеризован как лицо с умеренным/высоким риском совершения преступлений на сексуальной почве. Совет объясняет, что его будут поддерживать мать, сестра и община.

Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии, но, тем не менее, сами по себе являются неблагоприятными. Автор утверждает, что просьба посещать групповую терапию может быть охарактеризована как проявление неуважения к человеческому достоинству и несоблюдения права человека⁵² или расценена как довольно опасная (как в физическом, так и в психологическом плане), поскольку он является маори и считается, что стоит на низшей ступени социальной лестницы в тюрьме из-за совершенного им преступления⁵³, тем более что в программе не учитываются особенности, связанные с маори, как было признано министром исправительных учреждений⁵⁴. Автор утверждает, что государство-участник не представило никаких причин или обоснований того, почему его отказ от посещения групповой терапии не мог быть компенсирован индивидуальной терапией в тюрьме его собственного региона и что, вопреки утверждению государства-участника, он никогда не проходил оценки и не был признан непригодным для участия в программе лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве. Кроме того, он особенно тяжело воспринял резкое прекращение приема обезболивающего препарата, которым он пользовался в течение десяти лет и в отношении которого у него сформировалась зависимость.

5.7 По мнению автора, причины, приведенные Советом по вопросам условно-досрочного освобождения для продолжения его содержания под стражей, не являются убедительными и могут привести к психопатологии⁵⁵. Кроме того, автор утверждает, что оценка Совета не учитывает интересы народа маори, поскольку слишком большая доля представителей народа маори сталкивается с системой уголовного правосудия и подвергается в ней дискриминации⁵⁶. Согласно исследованиям, на лица, принадлежащие к маори, приходится более 50 % всего числа заключенных⁵⁷, при этом доля персонала пенитенциарных учреждений и психологов, принадлежащих к этой народности, составляет соответственно только 21 % и 7,3 %⁵⁸. Автор утверждает, что этническая принадлежность сотрудников, оказывающих терапевтические услуги, имеет большое значение для успеха терапии и для того, чтобы заключенные-маори чувствовали себя заинтересованными в ней. Кроме того, автор указывает, что государство-участник не выполнило рекомендации, содержащиеся в заключительных замечаниях Комитета по Новой Зеландии, в которых он рекомендовал ликвидировать дискриминацию в отношении народа маори при отправлении правосудия, в том числе посредством проведения программ подготовки для сотрудников пенитенциарных учреждений⁵⁹.

5.8 Автор повторяет свой довод о нарушении пункта 1 статьи 14 и подчеркивает, что он не рассматривает настоящее сообщение в качестве дополнительного способа подать апелляцию. Он также утверждает, что пункт 1 статьи 14 применим к королевской прерогативе помилования, ссылаясь на национальное дело *Яи против Агентства юридических услуг*, в котором Высокий суд постановил, что прерогатива помилования является вспомогательной по отношению к уголовному разбирательству и подпадает под правовую помощь. В заключении автор указывает, что создание

⁵² Автор ссылается на Andrew Rowland Frost, "New connections: the engagement in group therapy of incarcerated men who have sexually offended against children", PhD thesis, Canterbury University, 2000, pp. 75–76.

⁵³ Автор ссылается на «кодекс заключенного».

⁵⁴ "Corrections Minister Kelvin Davis said the \$98 million investment from the 'wellbeing budget' was a major first step to breaking the cycle of Māori reoffending and imprisonment by changing the way Corrections operated", *The Dominion Post* (Wellington), 10 May 2019.

⁵⁵ Согласно одному исследованию, длительное тюремное заключение приводит к нарушению психического здоровья. См. A.J.W. Taylor, "The effects of long-term imprisonment" (16 February 2006), paras. 48–152.

⁵⁶ CCPR/C/NZL/CO/6, п. 26.

⁵⁷ См. URL:

https://www.corrections.govt.nz/resources/research_and_statistics/quarterly_prison_statistics/prison_stats_march_2019.html#ethnicity.

⁵⁸ См. Michelle Levy and Waikaremoana Waitoki, "Māori psychology workforce and Māori course content data", University of Waikato (2015).

⁵⁹ CCPR/C/NZL/CO/5, п. 12.

Комиссии по пересмотру уголовных дел в соответствии с Законом о Комитете по пересмотру уголовных дел 2019 года является признанием того, что система, с которыми он столкнулся в стране, страдает от недостатков.

Дополнительные замечания автора

6. 16 сентября 2020 года автор сообщил Комитету, что 1 сентября 2020 года он был окончательно условно-досрочно освобожден, но может быть в любое время возвращен в тюрьму в случае несоблюдения определенных условий.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

7.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Что касается утверждений автора о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по положениям пункта 2 статьи 2, Комитет ссылается на свою правовую практику, в соответствии с которой положения статьи 2 Пакта определяют общее обязательство государств-участников и сами по себе не могут служить основанием для жалобы в сообщении, представляемом в соответствии с Факультативным протоколом. Комитет напоминает, что на положения статьи 2 нельзя ссылаться при изложении жалобы в том или ином сообщении по Факультативному протоколу в сочетании с другими положениями Пакта, кроме тех случаев, когда неисполнение государством-участником своих обязательств по статье 2 является непосредственной причиной отдельного нарушения Пакта, прямо затрагивающего лицо, которое утверждает, что оно является жертвой. Комитет, однако, отмечает, что автор уже заявлял о нарушении его прав по статьям 9 и 14 в результате толкования и применения существующих законов государства-участника, и Комитет не считает, что рассмотрение вопроса о том, нарушило ли государство-участник еще и свои общие обязательства по пункту 2 статьи 2 Пакта, рассматриваемому в совокупности со статьями 9 и 14, должно вестись отдельно от рассмотрения нарушения прав автора по статьям 9 и 14 Пакта. Поэтому Комитет приходит к выводу, что соответствующие утверждения автора несовместимы со статьей 2 Пакта и являются неприемлемыми в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

7.4 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты в нарушение пункта 3 статьи 2, поскольку Пакт не инкорпорирован во внутреннее законодательство, а суды полагаются на судебную практику Верховного суда, а не на положения Пакта. Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что Новая Зеландия включила Пакт в свое законодательство посредством ряда мер, таких как Закон Новой Зеландии о Билле о правах, Закон об условно-досрочном освобождении 2002 года, Закон об исправительных учреждениях 2004 года и другие административные меры. Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что наряду с судебными механизмами, такими как апелляция и судебный пересмотр, в государстве-участнике действуют и другие административные механизмы, которые могут расследовать утверждения о нарушениях, такие как омбудсмен и ряд других независимых органов. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что автор недостаточно обосновал эти жалобы для целей приемлемости, и объявляет их неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7.5 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что государство-участник нарушило его право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в пункте 1 статьи 14 Пакта, поскольку его первый адвокат не смог

обеспечить ему эффективную защиту и поэтому его судебное разбирательство, как на стадии суда первой инстанции, так и на стадии суда первой апелляции, не соответствовало гарантиям справедливого судебного разбирательства. Комитет принимает также к сведению довод государства-участника о том, что автор обжаловал признание его виновным в Апелляционном и Верховном судах, а также обжаловал вынесенные ему приговоры в этих судах и что его дело было рассмотрено генерал-губернатором в рамках его ходатайства о предоставлении ему королевской прерогативы помилования. Комитет отмечает, что автор не обосновал, в какой степени было нарушено его право на справедливое судебное разбирательство, а также в какой мере защита в суде его первого адвоката привела к нарушению его права быть заслушанным компетентным, независимым и беспристрастным судом, в частности с учетом того, что автор имел возможность оспорить эти приговоры в судах и ходатайствовать о предоставлении ему королевской прерогативы помилования. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что автор недостаточно обосновал эти жалобы для целей приемлемости, и объявляет их неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7.6 Комитет отмечает утверждения автора по пункту 4 статьи 9 и пункту 1 статьи 14 Пакта о том, что, поскольку Совет Новой Зеландии по вопросам условно-досрочного освобождения не является независимым и беспристрастным, он не может быть освобожден независимым судом, что привело к его произвольному задержанию. С другой стороны, Комитет отмечает замечание государства-участника о том, что, согласно решению национальных судов, пункт 1 статьи 14 не применим к Совету по вопросам условно-досрочного освобождения. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную государством-участником, согласно которой после рассмотрения дела *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии* Закон об уголовном правосудии 1985 года был заменен Законом об условно-досрочном освобождении 2002 года, что привело к изменению режима, регулирующего систему условно-досрочного освобождения. Комитет далее отмечает, что Совет не действовал в качестве судебной инстанции, поскольку он рассматривал целесообразность (а не законность) содержания автора под стражей.

7.7 Комитет напоминает о своих Соображениях по делу *Рамека и другие против Новой Зеландии*, в которых он изучал вопрос о том, следует ли рассматривать Совет по вопросам условно-досрочного освобождения «как недостаточно независимый, беспристрастный или эффективный», и пришел к выводу о том, что авторы того сообщения не продемонстрировали, что это требование не было выполнено, особенно с учетом того, что решения Совета подлежат пересмотру в судебном порядке⁶⁰. Комитет отмечает, что Рабочая группа по произвольным задержаниям пришла к аналогичному выводу при анализе степени независимости Совета в отношении данного дела⁶¹. Комитет отмечает также, что, в отличие от дела *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*, автор не оспаривал независимость Совета в национальных судах, и ему не было отказано в условно-досрочном освобождении, как было в деле *Миллер и Кэрролл*. Поэтому Комитет считает, что автор не выполнил обязательство исчерпать внутренние средства правовой защиты и что, следовательно, жалобы на нарушения, поданные на основании пункта 1 статьи 9 и пункта 1 статьи 14, касающиеся утверждения об отсутствии независимости у Совета, что привело к произвольному содержанию под стражей, неприемлемы в силу статьи 2 и пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.8 Комитет принимает к сведению утверждения автора относительно нарушений пункта 1 статьи 9 и пункта 3 статьи 10, касающихся того, что он исчерпал «все разумные внутренние средства правовой защиты», имевшиеся в его распоряжении. При отсутствии каких-либо возражений в этой связи со стороны государства-участника Комитет считает, что требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола были удовлетворены.

⁶⁰ См. дело *Рамека и др. против Новой Зеландии*, п. 7.4.

⁶¹ Мнение № 32/2016, пп. 60–62.

7.9 С учетом того что остальные жалобы автора являются достаточно обоснованными для целей приемлемости, Комитет заявляет, что они являются приемлемыми и что в связи с ними возникают вопросы по пункту 1 статьи 9 и пункту 3 статьи 10 Пакта, и приступает к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами.

8.2 Комитет принимает к сведению жалобу автора по пункту 1 статьи 9 и пункту 3 статьи 10 Пакта о том, что государство-участник не предоставило в достаточном объеме услуги по реабилитации до того как он впервые предстал перед Советом по вопросам условно-досрочного освобождения, что привело к произвольному содержанию под стражей. Комитет напоминает о том, что в случае превентивного заключения государство-участник обязано оказывать заключенным необходимую помощь, с тем чтобы они как можно скорее вышли на свободу и не представляли опасность для общества⁶². Комитет принимает к сведению позицию государства-участника о том, что автор получил целый ряд возможностей и услуг, направленных на его реабилитацию (см. пункт 4.12 выше). Комитет отмечает, в частности, что автору было предложено принять участие в программе наркологического отделения в январе 2013 года, за год и три месяца до его первого слушания в Совете, и что ему была предложена возможность пройти ту же программу во второй раз в феврале 2014 года (см. пункт 4.2 выше). Комитет также отмечает, что в октябре 2014 года ему была предложена возможность пройти программу по лечению алкоголизма и других форм наркозависимости (см. пункт 4.3 выше) и что, когда он в конечном итоге завершит программу наркологического отделения, он сможет пройти программу лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве (см. пункты 4.5–4.6 выше). Комитет также принимает к сведению оценку, проведенную Рабочей группой по произвольным задержаниям, которая считает, что автору была предоставлена достаточная возможность освобождения путем участия в программах лечения, до того как вопрос о его соответствии требованиям для условно-досрочного освобождения был впервые рассмотрен Советом по вопросам условно-досрочного освобождения в апреле 2014 года, и что он продолжает получать соответствующее лечение⁶³. В связи с этим Комитет считает, что в данных обстоятельствах он не может постановить, что государство-участник не предоставило своевременное реабилитационное лечение, до того как он впервые предстал перед Советом по вопросам условно-досрочного освобождения, и тем самым нарушило его права по пункту 1 статьи 9 или пункту 3 статьи 10 Пакта.

8.3 Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что такая реабилитация не подходит маори и что слишком многие представители этого народа сталкиваются с системой уголовного правосудия и подвергаются в ее рамках дискриминации. Ввиду отсутствия конкретной личной информации о том, как это затронуло самого автора, Комитет не может установить факт нарушения по данному вопросу.

8.4 Комитет далее отмечает утверждения автора о том, что его содержание под стражей продолжалось после завершения срока его тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение и что условия его превентивного содержания под стражей были аналогичны тем, в которых он находился, отбывая назначенное наказание. Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 35 (2014), согласно которому «арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но, тем не менее, быть произвольными. Понятие “произвольности” не следует приравнивать к понятию “противозаконности”, а следует толковать более широко, включая в него элементы неприемлемости,

⁶² См. дело *Дин против Новой Зеландии*, п. 7.5; и дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*, п. 8.2.

⁶³ Мнение № 32/2016, п. 57.

несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности». В этом же замечании общего порядка Комитет подчеркнул, что превентивное заключение должно быть сопряжено с конкретными ограничениями в целях соблюдения требований статьи 9 Пакта. В частности, превентивное содержание под стражей после отбывания срока наказания в виде тюремного заключения, во избежание произвола, должно обосновываться убедительными причинами и подвергаться регулярному периодическому пересмотру со стороны независимого органа для проверки оправданности дальнейшего содержания в заключении. Государствам следует использовать такое содержание в заключении в качестве крайней меры, а также проявлять осмотрительность и предусмотреть надлежащие гарантии при оценке будущей опасности. Кроме того, условия содержания «должны отличаться от условий содержания осужденных заключенных, отбывающих назначенное наказание, и должны быть направлены на реабилитацию и реинтеграцию осужденных в общество»⁶⁴. Комитет отмечает, что Рабочая группа по произвольным задержаниям пришла к выводу, что в данном случае условия превентивного заключения автора несущественно отличаются от условий содержания при отбывании назначенного наказания, поскольку ему были предоставлены возможности для доступа к получению психологической и иной помощи, направленной на его реабилитацию и освобождение, и что существуют убедительные причины, связанные с тяжестью совершенных деяний и вероятностью того, что осужденный совершит подобные преступления в будущем», которые обосновывают длительное превентивное задержание⁶⁵. Тем не менее Комитет должен дать собственную оценку на основе своей правовой практики и соответствующего последующего хода дела после проведения Рабочей группой оценки того, соответствовали ли условия, характер и продолжительность превентивного задержания автора предусмотренным в замечании общего порядка № 35 (2014) требованиям относительно целесообразности, необходимости и соразмерности, а также обоснованности в течение всего срока и независимого пересмотра.

8.5 Комитет принимает к сведению утверждение автора по статье 9 Пакта о том, что после отбывания обязательного срока, в течение которого он не имел права на условно-досрочное освобождение, он оставался произвольно задержанным, поскольку против него не было новых доказательств; он не был осужден за какие-либо иные правонарушения, которые могли бы обосновать продолжение его превентивного заключения; и карательные условия его содержания под стражей не изменились. Комитет принимает также к сведению объяснение государства-участника о том, что нет необходимости в каком-либо приговоре, поскольку наказание в виде предварительного заключения было вынесено автору на законных основаниях, после того как в мае 2004 года его признали виновным в пяти преступлениях, включая изнасилование и сексуальное надругательство над несовершеннолетней, что все приговоры исполняются в соответствии с целями Закона об исправительных учреждениях 2004 года, а правонарушители, приговоренные к превентивному заключению, классифицируются с точки зрения их безопасности. Кроме того, Комитет отмечает, что автору были предложены различные формы консультирования и психологической помощи в рамках программы наркологического отделения, которая началась в январе 2013 года, до того как автор получил право на условно-досрочное освобождение. Комитет отмечает также информацию, представленную государством-участником, согласно которой автор был вынужден отказаться от лечения в марте 2014 года, поскольку он признал, что его поведение и состояние здоровья мешают ему участвовать в программе (см. пункт 4.2 выше). Комитет отмечает также, что автор получил право на условно-досрочное освобождение 21 апреля 2014 года и что первое слушание Совета по вопросам условно-досрочного освобождения состоялось 30 апреля 2014 года (см. пункт 4.3 выше); что Совет провел дополнительные слушания 21 апреля 2015 года (см. пункт 4.4 выше) и 30 июня 2016 года (см. пункт 4.5 выше) и после оценки риска постановил, что автор, будучи лицом, совершающим акты насилия

⁶⁴ См. замечание общего порядка № 35 (2014), п. 21.

⁶⁵ Мнение № 32/2016, п. 47.

на сексуальной почве, по-прежнему представляет собой весьма большую угрозу; и что 17 августа 2017 года Совет разрешил перевести автора в блок нестрогого режима в тюрьме Крайстчерча (см. пункт 4.6 выше). Комитет отмечает далее, что впоследствии, 1 сентября 2020 года, автор был освобожден условно-досрочно, завершив к 2018 году программу для лиц, представляющих собой высокий риск, и программу наркологического отделения, а также закончив в мае 2019 года программу лечения взрослых, осужденных за преступления на сексуальной почве. Поэтому Комитет считает, что государство-участник в достаточной степени продемонстрировало, что условия, характер и продолжительность содержания автора под стражей, а также угроза безопасности, которую он представлял в связи с совершением связанных с насилием преступлений на сексуальной почве, были должным образом оценены в соответствии с предусмотренными в замечании общего порядка № 35 (2014) требованиями относительно целесообразности, необходимости и соразмерности, а также обоснованности в течение всего срока.

8.6 Комитет напоминает, что по статье 9 Пакта условия превентивного содержания под стражей должны отличаться от условий содержания осужденных заключенных, отбывающих назначенное наказание, и должны быть направлены на реабилитацию и реинтеграцию задержанных лиц в общество. В этой связи Комитет принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой цели содержания под стражей не изменились. Он также отмечает, что, хотя официально содержание под стражей по-прежнему является карательным, условия превентивного заключения авторов существенно отличаются от условий содержания при отбывании назначенного наказания (до получения права на условно-досрочное освобождение) и направлены на реабилитацию и реинтеграцию в общество, как того требует статья 9 и пункт 3 статьи 10 Пакта. В свете представленной ему информации Комитет не может сделать вывод о том, что государство-участник не продемонстрировало, что превентивное заключение автора в достаточной степени отличалось от карательного приговора.

9. Комитет, действуя в соответствии со статьей 5 (пункт 4) Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 9 и пункта 3 статьи 10 Пакта.

Приложение I

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Гентиана Зюбери

1. Хотя я и согласен с оценкой Комитета относительно усилий по реабилитации, до того как автор впервые предстал перед Советом по вопросам условно-досрочного освобождения 30 апреля 2014 года¹, но я считаю, что ненадлежащий процесс реабилитации и реинтеграции во время его длительного предварительного заключения, продолжавшегося почти шесть с половиной лет, нарушил его права по пункту 1 статьи 9 и пункту 3 статьи 10 Пакта.

2. В конце августа 2016 года Рабочая группа по произвольным задержаниям пришла к выводу, что данное дело не относится к случаям произвольного задержания², однако следует отметить, что ее решение было принято вскоре после окончания периода задержания автора без права на условно-досрочное освобождение. По существу, основной вопрос, стоявший перед Комитетом, заключался в том, соответствовали ли условия, характер и продолжительность превентивного задержания автора в период с апреля 2014 года по сентябрь 2020 года предусмотренным в замечании общего порядка № 35 (2014) и № 21 (1992) требованиям относительно целесообразности, необходимости и соразмерности, а также обоснованности в течение всего срока и независимого пересмотра. В замечании общего порядка № 35 (2014) предусматривается, что «арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но, тем не менее, быть произвольными». Комитет подчеркнул, что превентивное содержание под стражей после отбывания срока наказания в виде тюремного заключения, во избежание произвола, должно обосновываться убедительными причинами и подвергаться регулярному периодическому пересмотру со стороны независимого органа для проверки оправданности дальнейшего содержания в заключении. Государствам следует использовать такое содержание в заключении в качестве крайней меры, а также проявлять осмотрительность и предусмотреть надлежащие гарантии при оценке будущей опасности³. Кроме того, условия такого содержания под стражей должны «отличаться от условий содержания заключенных, отбывающих назначенное наказание, и быть направлены на реабилитацию и реинтеграцию в общество лица, содержащегося под стражей»⁴.

3. По мере увеличения продолжительности превентивного содержания под стражей возрастает лежащее на государстве-участнике бремя оправдания дальнейшего содержания под стражей и доказывания отсутствия эффективных средств противодействия угрозе, которую представляет лицо⁵. Таким образом, уровень опасности, который может служить разумным оправданием краткосрочного превентивного содержания под стражей, необязательно сможет обосновать более длительный период превентивного заключения. Государство-участник не смогло доказать невозможность достижения цели защиты общества от автора с использованием других менее ограничительных средств, не предусматривающих очередное продление срока лишения свободы.

4. По статье 9 Пакта условия превентивного содержания под стражей должны отличаться от условий содержания осужденных заключенных, отбывающих назначенное наказание, и должны быть направлены на реабилитацию и реинтеграцию задержанного лица в общество. Государство-участник обозначило позицию, согласно которой цели содержания под стражей не изменились. Тем не менее содержание под

¹ См. п. 8.2 выше.

² Мнение № 32/2016, п. 64.

³ См. замечание общего порядка № 35 (2014), п. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же, п. 15.

стражей по-прежнему носит карательный характер вне зависимости от того, отбывает ли лицо назначенную или превентивную часть своего наказания. Хотя автору уже давно предлагаются различные формы консультативной и психологической помощи, не похоже, что его этническая принадлежность маори или личные обстоятельства были должным образом учтены в усилиях по обеспечению его реабилитации и реинтеграции в общество (см. пункт 3.9, сноска 22 и пункты 5.6–5.7 Соображений Комитета)⁶. Примечательно, что он получил право на условно-досрочное освобождение в апреле 2014 года, но был переведен в блок самообслуживания только в августе 2017 года и, наконец, условно-досрочно освобожден в сентябре 2020 года. На основе представленной информации можно сделать вывод о том, что условия превентивного заключения автора несущественно отличаются от условий содержания при отбывании назначенного наказания (до получения права на условно-досрочное освобождение) и не направлены главным образом на реабилитацию и реинтеграцию в общество, как того требуют статья 9 и пункт 3 статьи 10 Пакта.

5. В этих обстоятельствах Комитету следовало бы установить факт нарушения пункта 1 статьи 9 и пункта 3 статьи 10 Пакта.

⁶ См. также замечание общего порядка № 21 по статье 10 (1992), пп. 10–12.

Приложение II

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Арифа Балкана

1. Пакт налагает постоянное обязательство в отношении всех заключенных, а именно что «исправление и социальное перевоспитание» должны составлять «существенную цель» тюремного заключения (пункт 3 статьи 10). Соответственно, государства-участники обязаны принимать «значимые меры» в целях перевоспитания всех заключенных в течение всего их срока лишения свободы¹. Такой продуманный подход особенно необходим в случае превентивного заключения, в основе которого лежит понятие прогнозируемой опасности — концепции, которую Комитет признал «проблематичной по своей сути»². В случае применения последней меры государства-участники должны оказывать заключенным необходимую помощь, с тем чтобы они как можно скорее, насколько это позволяют условия в плане безопасности, вышли на свободу и не представляли опасность для общества³.

2. В данном случае большинство членов Комитета принимают ответ государства-участника о том, что автору был предоставлен целый ряд возможностей и услуг, направленных на его реабилитацию (см. пункты 4.2–4.6 Соображений Комитета). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «целый ряд» — это некоторое преувеличение. Только в январе 2013 года, т. е. спустя девять лет после отбытия наказания и всего за год до получения права на условно-досрочное освобождение, автор был впервые включен в программу лечения от наркозависимости. Автор не завершил ни эту программу, ни другую, которую он начал незадолго до первого слушания по его условно-досрочному освобождению в следующем году, в силу чего отказ в условно-досрочном освобождении был неизбежен.

3. После этого автор провел в предварительном заключении 6 лет, в результате чего общая продолжительность его лишения свободы составила 16 лет. За это время автору было предоставлено в общей сложности два коротких курса реабилитации незадолго до его первого слушания, а затем еще два или три после него. На мой взгляд, эти эпизодические попытки по реабилитации вряд ли представляют собой «целый ряд» возможностей. Они не соответствуют установленным в пункте 3 статьи 10 Пакта критериям значимости, своевременности и непрерывности во время его заключения, не говоря уже о расширенных обязательствах, возникающих при нахождении в превентивном заключении.

4. Кроме того, юриспруденция Комитета предписывает, чтобы условия превентивного содержания отличались от условий содержания осужденных заключенных, отбывающих назначенное наказание, и были направлены на реабилитацию и реинтеграцию⁴. Тюремное заключение также является крайней мерой, когда не удастся обеспечить реабилитацию заключенных менее радикальными средствами⁵. В данном случае, несмотря на то, что государство-участник признает, что его законодательство не проводит различий между карательными и некарательными условиями превентивного заключения, большинство членов Комитета, исходя из своей собственной оценки и оценки членов Рабочей группы, пришли к выводу, что, хотя условия содержания автора под стражей официально оставались карательными, они в значительной мере отличались и были направлены на реабилитацию. Это еще один вывод, с которым мне трудно согласиться. Информация, представленная обеими сторонами, свидетельствует о том, что автор по сути содержался в тех же условиях,

¹ См. дело *Фардон против Австралии* (CCPR/C/98/D/1629/2007), п. 7.4.

² Там же.

³ См. дело *Дин против Новой Зеландии*, п. 7.5.

⁴ См. замечание общего порядка № 35 (2014), п. 21; и дело *Миллер и Кэрролл против Новой Зеландии*, п. 8.6.

⁵ Дело *Фардон против Австралии*, п. 7.4.

что и лица, отбывающие назначенное наказание. Кроме того, как представляется, автор не получил никакого специального курса лечения с учетом ужасных обстоятельств его детства и тех системных проблем, с которыми сталкиваются такие же, как он, этнические маори⁶.

5. Хотя личность автора не вызывает сочувствия, на момент осуждения ему было всего 22 года. Заключение психологов, имеющиеся в распоряжении соответствующих органов, свидетельствуют о том, что жизнь его была полна невообразимых мучений. В детстве он подвергся сексуальному насилию со стороны нескольких членов семьи, которые также приучили его к наркотикам, чтобы сделать более послушным. Что удивительного в том, что ребенок, которого систематически накачивали наркотиками и подвергали насилию, во взрослом состоянии совершает акты сексуального насилия? Или в том, что он будет совершать действия, наносящие самому ему вред, когда после девятилетнего тюремного заключения ему впервые будет назначен курс лечения? В годы становления автора им не занимались ни семья, ни община, ни государство, и когда он стал таким, каким его воспитывали, то в качестве ответной меры его поместили под стражу.

6. Я не сомневаюсь, что государство-участник руководствуется благими намерениями и предоставляет заключенным возможности для реабилитации. Однако, учитывая особые обстоятельства автора, я при всем уважении позволю себе не согласиться с тем, что помощь ему была предоставлена своевременно и в должном объеме или что характер назначенного заключения был надлежащим образом изменен в период его превентивного содержания под стражей. По этим причинам я считаю, что он стал жертвой нарушения пункта 1 статьи 9 и пункта 3 статьи 10 Пакта.

⁶ Признано Комитетом в [CCPR/C/NZL/CO/6](#), п. 26.